

Автор - Михаил Тенников, Санкт-Петербург (Россия).

24

□□□□□ К.В.

...мелодия скорой кодирует день с утра.
Горсть эфиопских зёрен натягивает ура
на высохший рот. Это город того Петра,

что брату парировал: «я – достаю еду,
скажи Ему – если есть ад, я его найду,
что не торгую совестью, не поощряю мзду.»

...и выходишь наружу – иппо-эстет фон Клодт,
дважды краснознамённый – дальше – балтийский флот,
массы сограждан, символизирующих оплот,

канцелярии недра – через пяток углов;
это – как лисьим мехом доказывать, что не лох.

А так – не хозяин невода, но не улов.

День отразится в зрачке сухой голубой дугой
трамвайного хлама. Глядишь – и уже другой
смотрит под вечер из зеркала. Тот, по всему – изгой.

...целлулоид крутится вспять, – и углы пусты,
зерна ныряют в самбуку. Это значит, что ты
умираешь до завтра. И мысли твои – чисты.

Русальное

□□□□□□□□□□ А.

...пускай любил – беспмятство важней,
куда весомей скользкого вопроса –
кладу купюру за бузу из проса,
и мажу на язык, и рву коней.
Друг говорит – «смотри издалека,
здесь – не деревня с бойкостью поверий;
и вынырнет, и обождёт у двери,
нетронутой оставив щель замка.
ты воду понапрасну не тревожь».
...ну как же, сукин сын! Вода – пустое;

трепещется, бесстыжая, но кто я –
не спросит, хоть и сгину ни за грош.

А коли жабры странно обрету –
глотнёт, что кистепёрая – азота
и бросится на берег, – ты ж, босота
останешься с частухою во рту.

...да – не теперь. Себя упомянув,
краду шагами улицы паршивость,
беседую с приятелями живо,
и борзопись не ставлю им в вину.
Прозрачный лифт, как колба на цепи,
забросит вверх, в седьмой безлюдный ярус,
где выше – брешь, июньских звезд стеклярус,
и жизнь – не подobaема – кипит.
сжимается до комнаты – колосс;
плесну вдогон нектара древних бочек
со скриптом, на её похожим почерк,
такого же, как цвет её волос...

Человек и футляр

Милостью вечера – площадь смывает люд
с грубой базальтовой кожи. Трещит будильник
сменного сторожа. Чадо Лаэрта, – в тине, –
но некому кроме него прошептать – люблю –
так что Итака вздрогнет. И наш бездельник,

лакомо медлит, словивши Маяк. Зане –
холоден к эллинам. Их абсолютный эрос
не будоражит. Бурдой заполняя термос,
в воздух пуская посредством глагола – гнев,
он покидает комнату. Уроборос

гипсовый – всё ещё жив, и венчает дверь
доходного дома... Это оседлый космос;
наш имярек, чьи помыслы – девственно косны –
не соглашается, что перед ним теперь,
в долгую – площадь; дело не столько вкуса –

площадь пуста: значит – знак заземленья и
знак совершенства. Но сторож не переносит
грубости камня. Скульптуры отбитый носик
пестует – срам. (Вот, когда сторожил НИИ –
облизывал пчёл с белых режимных пасек).

Пчёлы – давно на пенсии. Мёд их – тогда
выигрывал перед ядом. Отсюда – сплетни,
мол, лебезил, entre nous замыкал передней,
волю давая пальцам. Было. Затем руда
чистого ради матерного. В парадной

одежде сам дефилировал – дважды в год:
ноябрьские карнеи, ещё именины;
он убегал от ползущей в пыли лепнины –
что от улиссовой банды – троянский флот
в мифы со всеми прелестями Елены.

Пыль – кожа времени. Злая накачка прав,
к чести уборщиц – не их записное кредо...

...улицы воздух – герою пригнал карету.
Только не ту, о которой – один, мечтав,
метил слюной. Все боги слетелись с Крита,

дабы почтить гражданина, смотрящего

Конкурсная подборка 58. «Человек и футляр»;

Автор: Оргкомитет
24.03.2020 18:00

в мраморный глаз. То – глумление анатомий
над производством добра. И потёртый томик
в автомобиле с крестом догонял его,
словно печатная карма его историй.

